

Елена Рудыкина

Роль лексики с национально-культурным компонентом "значения" в процессе преподавания русского языка как иностранного

Studia Rossica Posnaniensia 32, 217-223

2005

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

РОЛЬ ЛЕКСИКИ
С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ „ЗНАЧЕНИЯ”
В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК ИНОСТРАННОГО

FUNCTIONING OF VOCABULARY WITH ETHNOCULTURAL “MEANING”
COMPONENT IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

ЕЛЕНА РУДЫКИНА

ABSTRACT. The article deals with the methods of teaching Russian vocabulary to foreign students. Referring to the interpretative reading of texts with dialectal coloring (Cossack tales), the author demonstrates how this regional component of educational curriculum may help in developing lexical competence of students who are learning Russian as a foreign language at the advanced level. With the help of the lexis semantization method the instructor can teach the students to analyze language units as relating to various word classes that differ in their stylistic (evaluative and emotional) features.

Елена Рудыкина, Волгоградский государственный университет, Волгоград – Россия.

В работах ученых подчеркивается важность учета культурологических исследований в процессе усвоения русского языка в иностранной аудитории. При этом изучение языка, его структуры идет в русле осмысления человека как носителя языка, языковой личности, отражающей особенности национального мышления, сформированного образом жизни нации¹. Лингвисты и методисты обозначили такой подход как культуроведческий, культурологический, лингвокультурологический².

В рамках рассматриваемого направления важным становится выбор текста для комментированного чтения³. При обучении иностранных стажеров на

¹ См. об этом: М.В. Милованова, Е.С. Рудыкина, *Принципы создания разноуровневых учебных пособий по русскому языку как иностранному*. В: *Слово. Грамматика. Речь*, вып. 5, *Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ*, Москва 2003, с. 192–196.

² См. об этом: В.В. Воробьев, *Лингвокультурология (теория и методы)*, Москва 1997; В.А. Маслова, *Введение в лингвокультурологию*, Москва 1997; О.Д. Митрофанова, *Лингводидактические уроки и прогнозы конца XX в.* В: *Материалы IX конгресса МАПРЯЛ*, Братислава 1999.

³ См. о проблеме выбора текста: Р.Гржибкова, *Художественная литература в общей концепции коммуникативно-ориентированного обучения русскому языку*. В: *Избран-*

краткосрочных курсах русского языка и культуры при кафедре русского языка Волгоградского государственного университета в учебном процессе на занятиях по развитию речи используются различные тексты, отражающие особенности истории, быта, культуры региона, что способствует более быстрой адаптации студентов в инокультурной среде⁴. Для формирования коммуникативной, страноведческой и лингвокультурной компетенций в практике преподавания русского языка как иностранного исследователи обращаются к сказкам⁵. Особый интерес у иностранных стажеров Волгоградского государственного университета вызывает чтение казачьих сказок⁶. В былях-небылицах, потешных историях, нравоучительных иносказаниях, содержащихся в анализируемых текстах, повествуется о заботах и тяготах народной жизни, любви, разлуке, верности долгу, мудрости и смекалке, храбрости казаков, самобытные традиции которых являются неотъемлемой частью национального богатства России.

В процессе комментированного чтения языковые единицы анализируются комплексно с учетом особенностей их функционирования в избранных текстах, что способствует усвоению специфики системно-парадигматических и синтагматических связей элементов разных уровней, взаимодействующих на семантической основе⁷. Особое внимание преподаватель обращает на лексику с национально-культурным компонентом значения, включающую в себя наименования предметов традиционного казачьего быта, имена собственные, афоризмы, формулы речевого этикета⁸. Рассмотрение языковых единиц базируется на разграничении слов, входящих в общерусский лексический фонд и одновременно в словарный состав любого территориального диалекта; слов

ные вопросы русского языка и лингводидактики, Poznań 2002, с. 175–179; Р.Д. Сафарян, *Образ русского художественного текста в процессе обучения*, „Русский язык за рубежом” 2003, № 2, с. 95–98.

⁴ Т.М. Горшкова, Л.И. Ручина, *Концептосфера русской народной сказки и практика преподавания русского языка как иностранного*, „Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Филология”, Н. Новгород 2004, вып. 1(5), с. 152–157.

⁵ М.В. Милованова, Е.С. Рудыкина, *Комплексный подход к созданию учебных пособий для студентов начального этапа обучения русскому языку как иностранному. В: Современный учебник русского языка для иностранцев: теоретические проблемы и прикладные аспекты*, Москва 2002, с. 107–109.

⁶ В.В. Когтин, *Семейные сказки*, Волгоград 2001. (В скобках при цитировании указывается название сказки и страница издания).

⁷ См. об этом: Н.А. Тупикова, *Функционально-семантический подход к изучению грамматических единиц в иностранной аудитории. В: Проблемы обучения иностранных граждан на современном этапе: лингвистические и методические*, Волгоград 2000, с. 178–179.

⁸ Учитывается классификация, предложенная Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым: Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, *Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*, Москва 1983.

диалектно-просторечных, составляющих в систему как диалекта, так и просторечия, но не употребляющихся в нормированном литературном языке; собственно диалектных слов, бытующих только в системе диалекта⁹. Отдельно анализируется группа просторечных слов, которые находятся на границе литературного языка и используются в сниженном стиле, в обиходной, бытовой речи¹⁰.

Читая тексты сказок, студенты могут познакомиться с лексикой, связанной с традиционными формами казачьей жизни, общественными отношениями, например, *атаман*, *есаулец*, *урядник*. Следует отметить, что слова *атаман* в значении 'высший начальник в казачьих войсках, а также военно-административный начальник в казачьих областях' (ТРЯ, 31)¹¹ и *урядник* в значении 'в царской армии: казачий унтер-офицер' (ТРЯ, 838) стали достоянием литературного языка. Имя существительное *есаулец* отмечено только в диалектных словарях в значении 'наемный казак при станичном атамане, выполняющий его поручения' и дается с пометой „архаичное” (БСДК, 148). С указанной семантикой рассматриваемая языковая единица используется в сказке *Жена-свинья*, повествующей о чудесном превращении свиньи в казачку: „*Есаулец* призвал сход к порядку” (*Жена-свинья*, 299). В.И. Даль, характеризуя значение анализируемой лексемы, отмечал, что *есаулец* – это 'старый и надежный казак при донском станичном правлении, помощник станичного атамана, для порядков' (СД, I, 522). Обращение к диалектным словарям поможет иностранным стажерам определить значение слова *сход* в приведенном контексте как 'общее собрание казаков' (БСДК, 520). С близкой семантикой в сказках отмечено слово *круг*: „– А ты, говорит, – на *круг* ее выведи, до людей” (*Жена-свинья*, 299). В литературном языке слово *круг* фиксируется со значением 'группа людей, объединенных в социальном или бытовом отношении' (ТСРЯ, I, 1528). В говорах данная лексема определяется как 'общество, сборища, мирская сходка' и уточняется 'особенно у казаков' (СД, II, 200). В приведенном предложении сочетание *вывести на круг* означает 'поставить перед судом общества' (БСДК, 242).

⁹ См. об этом: О.И. Б л и н о в а, *Введение в современную региональную лексикологию*, Томск 1975, с. 32–33.

¹⁰ См. о подходах к анализу языкового материала: Е.С. Р у д ы к и н а, *Изучение русской лексики на региональном материале в иностранной аудитории*. В: *Национальна научна конференция. Хуманитарното знание – традиционни опори и актуалност. Сборник доклади*, т. I, Бургас 2003, с. 230–234.

¹¹ В статье использовались данные словарей: СД – В.И. Д а л ь, *Толковый словарь живого великорусского языка*, Москва 1990; СДК – *Большой толковый словарь донского казачества*, Москва 2003; СРЯ – *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 1–22, Москва 1975–1995; ССр – И.И. С р е з н е в с к и й, *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, т. I, Санкт-Петербург 1912; ТРЯ – С.И. О ж е г о в, Н.Ю. Ш в е д о в а, *Толковый словарь русского языка*, 4-е изд., доп., Москва 1997; ТСРЯ – *Толковый словарь русского языка в 4-х томах*, под ред. Д.Н. Ушакова, Москва 1996.

Большой интерес в иностранной аудитории вызывает лексика, обозначающая домашнюю утварь. В частности, в казачьих сказках представлены наименования посуды для временного хранения молока и молочных продуктов: *баклага*, *махотка*. В словарях современного русского литературного языка рассматриваемые слова даются с пометой „областное” (ТСРЯ, I, 79; II, 164). *Баклага* представляет собой деревянный, реже жестяной сосуд для воды, обычно округлой формы (БСДК, 32). Указанное слово используется в сказке *Марра*, повествующей о смелости казака, который хотел спасти жизнь сына от Марры-Полуденницы с помощью сайгачьего молока: „Поймал пастух сайгачиху, надоил отцу полную *баклагу* молока” (*Марра*, 287). Как свидетельствуют данные словарей, лексема *махотка* в значении ‘маленький глиняный горшочек’ была известна уже в XVII веке (СРЯ, 9, 49). В казачьих сказках слово *махотка* зафиксировано в значении ‘небольшой глиняный горшок для молочных продуктов’ (БСДК, 279). Например, в сказке *Суженая*, повествующей о неотвратимости судьбы, подчеркиваются немолодые годы матери главного героя – казака Евлохи, который уже отслужил службу, а жениться не хотел: „Мать у печки расстроенная стоит, опять *махотку* разбила. Руки-то уже не те стали, хват не держат” (*Суженая*, 177). В приведенном контексте отмечено также название приспособления для захватывания, установки в печь и вытаскивания из нее горшков *ухват*, которое известно в литературном языке (ТСРЯ, IV, 1028). В текстах сказок для обозначения большого ухвата используется также диалектное слово *рогач* (ТСРЯ, III, 1368). Так, эта языковая единица употребляется при характеристике нрава казачки Зинки, например, в сказке *Злая жена*: „А она ему с разворота как припечатает по наружности *рогачом*” (*Злая жена*, 261). Осознанию значения рассматриваемых языковых единиц способствует анализ словообразовательных особенностей слов. Синонимический ряд *ухват* – *рогач* включает в себя литературную и диалектную лексемы, обозначающие одну и ту же реалию с учетом различных признаков, мотивирующих его название *ухват* (от *хватать*, *ухватить*), *рогач* (от *рогатый*)¹².

Специфику казачьей кухни отражают имена существительные *каймак*, *кулеши*, *щерба*, отмеченные в казачьих сказках для обозначения блюд. В результате обращения к этимологическим словарям студенты приходят к выводу, что все три слова являются заимствованными (Ф, II, 62; II, 410; IV, 504). В словарях современного литературного языка лексемы *каймак* и *кулеши* даются с пометой „областное” (ТСРЯ, I, 1284; I, 1544), слово *щерба* не отмечено в данных словарях. Имя существительное *каймак* тюркского происхождения в казачьих сказках используется в значении ‘густые пенки, снятые с кипяченого или топленого молока’ (БСДК, 204): „Он ей: «Хочу блинов с *каймаком*»” (*Своенравная жена*, 172). Слово *кулеши* как ‘жидкое кушанье из пшена’ из-

¹² См. об этом: Л.Л. К а с а т к и н а, *Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка*, Москва 1999, с. 40.

вестно в русском языке с XVII века (СРЯ, 8, 144). Данная языковая единица отмечена в казачьей сказке *Лобаста*: „Развел Дрон у каргача костер. Наладился *кулеш* варить” (*Лобаста*, 190). Контекстуальный уточнитель *варить* позволяет определить значение слова *кулеш* как ‘кашица’ (СД, II, 216). В приведенном предложении зафиксирована форма прошедшего времени от глагола *наладиться* в значении ‘привыкнуть что-нибудь делать, повадиться’ (ТСРЯ, II, 374), свойственном просторечию. Преподавателю необходимо пояснить студентам, что употребление данной лексики в фольклорном тексте служит средством стилизации, в то время как в литературном языке является неправильным. Обращение к диалектным словарям поможет определить значение слова *карагач*, как ‘вяз лиственный, берест’ (БСДК, 209). Заимствованное из тюркского языка слово *щерба* отмечено в сказке *Блудная баба*: „*Щербой* пахнет на всю хату” (*Блудная баба*, 2001, 237). В приведенном предложении лексема используется в значении ‘уха’ (БСДК, 598). Причем, как отмечает В.И. Даль, это ‘уха из мелкой, нечищенной рыбы’ (СД, IV, 655). Словарная работа в процессе анализа лексики питания предполагает обращение как к диалектным словарям, так и к словарям современного русского литературного языка, в которых данные лексемы имеют помету ‘областное’.

Среди лексики, отражающей специфику народного костюма, следует отметить слово *запон*, зафиксированное в сказке *Суженая* в значении ‘фартук’ (БСДК, 177): „Мать *запоном* утирается” (*Суженая*, 178). Для характеристики обуви в сказке *Лебедь*, повествующей о верности казачки, используется языковая единица *чирики* в значении ‘мягкие кожаные туфли без каблуков, закрывающие ногу не выше щиколотки; чувяки’ (БСДК, 580): „Остался Ларька, поработал. На следующее утро – нет *чириков*” (*Лебедь*, 251). Эта обувь пользовалась у казаков особой любовью, они обычно надевали чирики поверх толстых носков и заправляли в них шаровары – донские казачьи брюки из полотна с лампасами по бокам¹³. При рассмотрении такого рода лексики, не отмеченной в словарях современного русского литературного языка, способом семантизации является перевод; при этом для толкования языковых единиц иностранным стажерам необходимо обратиться к словарям русских народных говоров.

Отдельную группу составляют слова, отличающие казачью сказку как повествовательный жанр фольклора (*кручина*, *суженый* и др.). В словарях современного русского литературного языка такие лексемы, как правило, даются с пометой „народнопоэтическое”. После прочтения текста сказки целесообразно на доске выписать эти языковые единицы и подобрать к ним нейтральные синонимы (например: *кручина* – грусть, тоска, печаль). Ряд имен слов в фольклорной лексике образуется с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов (*ноженька*, *ноченька*, *чарушка* и др.). Следует обратить внимание

¹³ О специфике мужского и женского казачьего костюма см.: *Казаки*, под ред. Б.А. Алмазова, Санкт-Петербург 1999, с. 50–51.

студентов на фольклорные формулы, характерные для сказок: *жила была, одна-оденешенька, суженый-ряженный* и другие.

Важным носителем страноведческой информации является также ономастическая лексика. Природные условия, близость к водным артериям способствовали тому, что одним из основных промыслов у казаков стало рыболовство. В связи с этим в казачьих сказках при описании повседневной жизни, занятий казаков отмечено большое количество гидронимов, например: „У *Каспия* норов капризный” (*Сиварь*, 308); „Ах ты, *Волга-мать*, река не ласковая, укачала-уработала Ларьку” (*Лебедь*, 243). Соотнесенность имени собственного *Волга* с обозначением гидронимического объекта является имплицитной: фоновые знания способствуют восприятию этого названия как наименования русской реки, национального символа России¹⁴. Особое место в жизни казака занимает Дон, к которому у казаков трепетное отношение: „Поклонилась Дарья *Дону-батюшке*” (*Горе-Злосчастье*, 86). Он является символом казачьей вольности, что проявляется в народно-поэтическом использовании гидронима в составе образного выражения *Дон-батюшка* (в отличие от *Волга-мать*), воспевающего величие и красоту реки. И радость разделить, и *горе размыкать* идут казаки к *Дону-батюшке*.

В процессе комментированного чтения особого внимания требует афористическая лексика, которая является богатым источником знаний о национально-психологическом укладе, нравственно-эстетических представлениях казаков¹⁵. Языковой афоризм понимается нами, вслед за Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым, как „фраза, которая всем известна и поэтому в речи не творится заново, а извлекается из памяти”¹⁶. Пословицы, поговорки, крылатые выражения, отмеченные в сказках, обобщают жизненный опыт казачества. Использование афористической лексики позволяет охарактеризовать ситуацию, персонажа, событие и выразить свое отношение к ним. Так, в казачьих сказках раскрывается отношение к самому главному в жизни казака – Родине: „Правду говорят, нет милее места, где тебе пупок резан” (*Оничка-конокрад*, 355); службе: „Ить недаром говорят: «Начинает казак служить – здоровається с Богом, а уходит домой – прощается с чертом»” (*Чудесное лекарство*, 317); коню: „Конь после Бога другой защитник казаку” (*Оклеветанная жена*, 373) и т. д. Ряд афоризмов указывает на место женщины, жены в жизни казака, регламентирует нормы поведения по отношению к ней: „Жена не сапог, с ноги не снимешь” (*Суженая*, 182); „Не женился – лихо было, а женился – беду нажил” (*Злая жена*, 263); „Жену люби как душу, да тряси как

¹⁴ См. об этом: Д.Ю. Ильин, *Топонимическая лексика как часть языковой картины региона*. В: *Наука, искусство, образование в III тысячелетии*, Волгоград 2004, с. 293.

¹⁵ Об опыте работы с афористической лексикой в иностранной аудитории см.: М.В. Молованова, *Глагол как ядерный компонент паремиологических сочетаний в русском и немецких языках*, „Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание” 2002, вып. 2, с. 138–143.

¹⁶ Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, указ. соч., с. 88.

грушу” (*Злая жена*, 257) и др. В некоторых пословицах и крылатых выражениях содержатся философские выводы, отражающие накопленную столетиями житейскую мудрость, особенности культуры казачества: „Жизнь протянется, всего достанется” (*Султанская дочь*, 165); „Как говорится, с кем венчаться, с тем и кончаться” (*Злая жена*, 256); „Гость не кость, за ворота не выкинешь” (*Чудесное лекарство*, 325). В этих высказываниях подчеркивается удасть, оптимизм, храбрость донцов, помогавшие им даже в тяжелые периоды жизни: „А как в народе говорят: кто в радости живет, того кручина не берет” (*Горе-злосчастье*, 88); „Смелство кандалы трет, смелство мед пьет” (*Туркения*, 370). При рассмотрении отдельных афоризмов следует обратить внимание на использование диалектной лексики. Семантизация и проверка понимания обучаемыми значения лексических единиц, характерных для народной речи, может осуществляться посредством подбора синонимов. Например, в сказке *Горе-злосчастье* повествуется о судьбе казака Кузьмы: „Вырос он жидким и слаботельным. Говорили про него: не казачьего роду... Ну что ж, в хлебе не без ухвостья” (*Горе-злосчастье*, 86). В Толковом словаре В.И. Даля слово *ухвостье* толкуется через синонимы *озадки*, *ухоботье*, *ухоботь* и определяется как ‘при веянии хлеба: мякина, сор, пустые и легкие зерна, которые относятся ветром далее и ложатся в хвосте вороха’ (СД, IV, 524).

При рассмотрении фрагментов текста, отражающих духовную культуру, содержащих формулы речевого этикета, преподаватель создает проблемную ситуацию, не называет сами языковые единицы, а указывает на их функции в тексте. Например, в сказке, повествующей о храбрости казака Тимони, который разыскал отца и вернул в родной хутор, встречается устойчивое сочетание *здорово ночевали* для передачи утреннего приветствия в значении ‘доброе утро’ (БСДК, 187): „– *Здорово ночевали, маманя*” (*Дрема*, 133). Студентам предлагается найти из широкого контекста сочетание, с помощью которого главный герой обращается к Дреме после сна. В этой сказке отмечена также формула речевого казачьего этикета *здорово дневали*, используемая для передачи приветствия при встрече в любое время дня: „– *Здорово дневали*, – говорит Тимоня и поклонился” (*Дрема*, 127).

Как показал опыт проведения занятий по развитию речи в иностранной аудитории, изучение лексики с национально-культурным компонентом значения позволяет облегчить восприятие и усвоение текста, сформировать представление об истории, быте, духовных и материальных ценностях, богатстве и выразительности народного языка казачества как особой этнической группы россиян.